

отписок вообще, но, кроме того, усвоил и воспроизвел весь тон и манеры изложения казачьих „речей“ в отписках и даже повторил отдельные стереотипные фразы и обороты, которыми пользовались войсковые канцеляристы, когда они писали об азовских делах.

Казачьи „речи“ в отписках включались в эти официальные документы, конечно, не столько в целях делового отчета перед царем и сообщения ему подробностей действительного положения на Дону, сколько с намерением расположить царя в пользу Войска, убедить его в совершенной правоте и необходимости действий казаков. Включение таких „речей“ в документ придавало официальному докладу известную наглядность и выразительность, сообщало ему даже элементы драматизации и повышало его эмоциональное воздействие на адресата в желаемом для Войска направлении.

Если бы войсковые дьяки преследовали только цели делового отчета, они могли бы в этих отписках ограничиться простым указанием на то, что Войско отклонило предложения крымского хана о передаче ему Азова. Но вместо этого они подробно воспроизводят в образной форме живой насмешливой казачьей речи ответы Войска послам хана. Составители отписок в этих случаях несомненно передавали общий смысл и тон переговоров казаков с послами, но при этом, разумеется, они обдуманно отбирали для своих отписок и добавляли в свое изложение „речей“ именно то, что соответствовало московской ориентации в политике Войска. Очевидно предполагалось, что в результате этого возникнет достаточно выразительный дипломатический эффект. Действительно, царю читали войсковую отписку, а в ней воспроизводился прямой речью как бы подлинный текст ответов казаков их противникам, причем из этого текста следовало, что казаки говорили хану именно то, чего желало московское правительство, что отвечало его внешней политике.

В Москве, как отмечает Н. А. Смирнов, казакам „простили и захват Азова и убийство турецкого посла. Они лишь были обязаны помнить, что взятие Азова произошло по их собственной инициативе, а не по приказу Москвы. Правительству было очень важно, чтобы эта точка зрения, которая полностью соответствовала действительности, была настолько усвоена, чтобы даже случайные казаки, попадающие к туркам в плен могли в один голос ее подтвердить и тем самым отнять у турок всякий повод подозревать русское правительство в двойной игре“.¹ В качестве примера к этому добавим, что атаман Денис Григорьев заявлял в Посольском приказе (29 мая 1641 г.) о том, как, будучи в плену в Цареграде он отрицал предполагаемое турками участие царских войск во взятии Азова.²

¹ Н. А. Смирнов, ук. соч., т. II, стр. 53.

² Донские Дела, кн. 2-я, стлб. 180.